

18+

Сергей Шинкарев

И плакал Цыган

Три рассказа

Сергей Шинкарев

И плакал Цыган. Три рассказа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49604085

ISBN 9785449802293

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Все здорово ты сделал: история, стиль, легкость повествования, и главное – накатывает неотвратимое чувство приближения чего-то важного, непонятного, но такого знакомого, может, неизвестной и бесконечной жизни. Поздравляю. Удалось! /Евгений Климов/

Содержание

Предисловие	5
Поезд во взрослую жизнь	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

И плакал Цыган Три рассказа

Сергей Шинкарев

© Сергей Шинкарев, 2020

ISBN 978-5-4498-0229-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Заканчивался 1993 год. Страна сжигала мосты. И я вместе с ней, по инерции. Позади остались 27 лет, прожитых на Крайнем Севере. Пришлось начинать с чистого листа. Мне трудно давалось всё: терпеть дождь в декабре, заводить новых друзей, отдыхать на берегу моря с семьёй, искать работу и так далее. Материк не принимал меня, а я – его. То был самый болезненный, самый трагичный кусок моей жизни. Теперь, по прошествии пятнадцати лет, точно знаю – люди не должны переезжать. Нельзя покидать места, где ты родился, навсегда. Нельзя.

Через пару месяцев я сорвался к землякам, осевшим в Питере. Они готовы были дать и хлеб, и кров, и работу. Ребята попали на «сковородку» раскалённых девяностых годов, как к себе домой. Они крепко стояли на ногах, «держали» треть Питера и местные отморозки уважительно звали их «якутами». Я разглядывал «киношную» жизнь с разинутым ртом. От первой до последней минуты вся поездка была шоком.

– Оставайся – сказал один из них – работы невпроворот, на выходные будешь летать домой, к семье, на Кубань. Или сюда их привезём.

И я крепко задумался. Это был момент, когда вся жизнь стоит перед камнем с надписью. Но, я не был богатырём. Мне всю жизнь хотелось убежать от денег, насилия и, в ко-

нечном итоге, от правды. Наверное...

В ту ночь мы собрались в квартире, в центре Питера. Я думал и в голове кипело. Друзья пили домашнее вино, которое мне дала мама – трёхлитровую банку южного солнца. Зашёл ещё один наш и сказал коротко:

– Погиб Алька.

Он был последним человеком на северной земле, обнявшим меня у трапа, на лётном поле. И он угорел в машине именно в тот день – когда я стоял у развилки дорог, посреди ночного Питера. Человек, от которого у меня в памяти, осталась только его улыбка. Спустя столько лет – она такая, что я улыбаюсь прямо сейчас, печатая эти буквы.

– Ты только пиши, не бросай – сказал он на прощание.

Пишу...

24.05.2008

Поезд во взрослую жизнь

Закончив десять классов моей родной, бревенчатой, якутской школы, мне вздумалось учиться в большом городе. Огромном городе, в сравнении с моим десятитысячным посёлком, где родился и вырос. Учитывая мою непригодность к самостоятельной жизни, родители непустили меня одного, через полстраны. В цивилизацию мы поехали с отцом – человеком, для которого не существовало проблем. Они решались в момент возникновения: обходились очереди, появлялись билеты, по взмаху руки тормозили попутные самолёты. Я смотрел на отца с непреодолимым изумлением и с тоской ждал, когда останусь один. Этот момент настал быстрее, чем хотелось.

Мы поступили в техникум, и отец доставил меня к бабушке, в деревню, за 300 километров от моего места учёбы. До начала студенческой жизни оставался месяц. Отец рассказал ещё раз о жуликах, негодях, бандитах. Велел никому ничего не отдавать и не дарить. Напомнил о своей нелёгкой доле недоучки и взял с меня слово, что буду учиться. Я честно пообещал стараться, мы обнялись, и папа улетел на Крайний Север. На луну, практически. Начался первый, в моей жизни, месяц независимости. Безудержно пьяный месяц, прошедший в поисках первой женщины. Главное, чему я научился в этот период – строить из себя успешного два-

дцатипятилетнего мужчину. Отдельные барышни давали 27.

Из напряжённого графика начинающего Казановы меня выбил один из многочисленных родственников. Ранним утром он вторгся на площадку детского сада, где мы с подругой допивали три литра браги и собирались расписаться. Сообщение о том, что через два часа поезд и пора учиться, оказалось кстати. Мне уже полчаса, как расхотелось жениться. Мы страстно расцеловались, я дал все необходимые обещания и отбыл к прощальному завтраку с сородичами.

Долго ли коротко, но к поезду меня доставили на ногах. Правда, не особо твёрдых. На перроне, с десятков моих дальних родственников, продолжили проводы возлияниями. При этом, мужчины как один отмечали, что к самостоятельной жизни я не готов и перечисляли ждущие меня опасности. А меня крепко мутило, и я боялся лишь одного: неконтролируемого приступа тошноты. Так и шагнул в неизвестность – сдерживая рвотный рефлекс. И запомнив напутствие дяди: деньги, документы и билет – никому!

Соседи в купе оказались взрослыми людьми. Никаких преступных намерений они не выказали и, едва присев у двери, я забылся пьяным молодецким сном. Ненадолго. Поезд тронулся, через пять минут жизнь изменилась навсегда. Ещё не открыв глаз, я ощутил опасность и напрягся: меня трясли за плечо.

– Билет давай – не боясь моих соседей, сказал парень в спортивных штанах, глядя мне прямо в глаза с нагловатой

усмешкой. Дорогая джинсовая рубашка, дефицитные импортные кроссовки, стрижен почти налысо, лет на пять старше меня. С виду обычный дембель, но то, как он наехал на меня, говорило лишь об одном: беспредельщик.

Делая равнодушный вид, я отвернулся в сторону окна и быстро оглядел своих соседей. Они «стеклянно» рассматривали в стенки. Все трое были парализованы страхом, это читалось чётко. Их уже выдоили – понял я и ужаснулся. Случилось самое страшное, я попал в вагон, который «взяли» на гоп-стоп. Точно, ведь пока мы стояли на перроне, я ни разу не увидел проводника. Куда же бабушка смотрела... И тут на меня, словно матрац с верхней полки, упала тоска. В секунду дошло – один. Первый раз по-настоящему один и сразу вот так – без выхода, без надежды, даже без перочинного ножика в кармане.

– Ты оглох что ли? Билет доставай – повторил жулик и протянул руку. Перед глазами оказались набитые костяшки правого кулака.

– Не дам – коротко ответил я и сглотнул ужас. Поехали, братан. Посмотрим, что ты тут, в купе, со мной сделаешь.

– Ты чего, дядя? Заболел или как? Билет достал, быстро! – чувак пошёл «качать качели» без подготовки, «буром». Но здесь, в купе, он сможет только ударить. А бить неудобно и он меня не вырубит. А пока не вырубит – не вытащит в коридор. И не будут же эти, соседи трусливые, сидеть и смотреть. Неужели не помогут. Два мужика взрослых точно креп-

кие. Какого чёрта они молчат...

– Сказал! Не дам – я посмотрел ему в глаза так, как смотрел редко. Этот взгляд мне помогал иногда, не знаю почему. Помог и сейчас. Шарик сдулся. Противник пробурчал невнятную угрозу и захлопнул дверь купе. Мои мысли разогнались, ударились о стенки черепа и, по позвоночнику, ссыпались в задницу. Сейчас он с корешами вернётся меня убивать. Мёртвая тишина в купе была лучшим подтверждением. Я ощущал на себе взгляды соседей. Они словно прощались со мной.

Мысли об окне отпали сразу. Они ворвутся, как только я его разобью. Потому что, выпрыгнуть сразу нельзя. Надо видеть, куда прыгать. Хотя, лучше развалить себе череп о столб, чем поднимут на ножи в тамбуре. Но я боюсь. И ножей, и прыгать, и вообще всё это сон. Я же школьник, они же не могут так делать... Могут. Всё именно так, как рассказывал отец. И старшие пацаны во дворе. И мужики, старые зекки, на работе у отца. Они все как будто знали, что я скоро умру. Отец чуть не заплакал, когда уезжал. Но почему так? За что?

Дверь в купе открылась. Их было трое. Все в «спортивках» с лампасами и одинаковых кроссовках. Они стояли там, на перроне, в стороне от нас – я вспомнил, что ловил на себе их изучающие взгляды. Эти подонки всё чётко просчитали. Зачем я пил? Ведь всё можно было заметить сразу и не садиться в этот вагон, в этот проклятый поезд. Сейчас они ме-

ня вытащат из купе.

– Вот он – сказал мой знакомец и отступил чуть вбок. Первым встал их главный. Он был настоящий боец, примерно на полголовы выше своих бомбил. Удивительно, но мне стало вдруг легче. Бомбилы выглядывали из-за него настороженно. Трое взрослых на одного пацана – нормально. Мне даже показалось, что мужики в купе «подпишутся», если скажу. И я оборвал тянучку.

– Билет не дам. Всё, хорош разговаривать – эту фразу мне удалось сопроводить наиболее тяжёлым из всех своих взглядов. Не помогло. Громила разглядывал меня с каким-то странным интересом.

– У тебя билет вообще есть? – неожиданно добродушно спросил он. В голосе была слабина. Они чего-то боялись, определённо.

– Какая разница. Ты чо хочешь? Говори, бродяга – с саблей наголо я попёр на танки. И тут бродяга коротко ответил:

– Пойдём.

Этого «пойдём» я боялся с самого начала. Знал, что позорно не пойду. Будут вытаскивать из купе, попытаются ударить в висок, чтобы вырубить, я судорожно стану цепляться за ручки, соседи не вякнут, весь вагон будет слышать, что меня убивают, я буду визжать и кусаться, отец будет знать, что перед смертью я струсил... сука, я чмо, но я не пойду...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.